

1. Очнувшись

— Синь-Синь, ну как тебе тот парень, которого тетя Ван советовала? Есть ли между вами искра? Если не приглянулся, у мамы на примете есть племянник тети Ли, еще есть племянник тети Сун — все ребята как на подбор. Выбери время, сходи с кем-нибудь из них в кино, поужинай...

Знакомый голос постепенно затихал, пока не растворился вовсе, и я наконец осознала: это лишь очередной старый сон, который я прокручиваю в голове последние несколько дней.

Раньше этот ворчливый, но ласковый голос действовал мне на нервы, я старалась избегать этих разговоров — но теперь я отдала бы всё, чтобы снова его услышать.

Увы, после бесчисленных попыток я смирилась и вынуждена была признать: возможно, в этой жизни мне уже не суждено его услышать.

— Ваше Высочество, пора принимать лекарство.

На смену тому родному голосу пришел другой — детский, но изысканный, в котором всегда сквозила осторожная почтительность. Раньше я наивно полагала, что это лишь свойственная людям той эпохи манера держаться, но последующие события открыли мне глаза: этот страх, въевшийся в самую кость, предназначался лишь мне одной.

Или, вернее, той, кому это тело принадлежало изначально.

О, я забыла представиться. Я постоянно возвращаюсь мыслями к первой половине своей жизни, словно только так могу убедиться, что та, другая я, действительно существовала, а не была лишь плодом воображения, порожденным заточением в этой роскошной клетке среди бесконечных склянок с отварами.

Меня зовут Цзянь Синь. Вероятно, родители хотели, чтобы я жила просто и по зову сердца.

Я выросла в военном городке под звуки маршей. Не могу сказать, что обладала нестигаемой верой революционных героев, но звание человека с чистой совестью и правильным воспитанием вполне заслуживала.

Я послушно следовала плану родителей: поступила в педагогический, после выпуска устроилась в школу рядом с домом. Поскольку опыта было мало, мне поручили вести обществознание — хотя, по правде говоря, я всегда больше любила историю.

Как только вопрос с работой был решен, возникла другая проблема, с которой сталкивается любая девица на выданье — поиск спутника жизни.

Честно говоря, за всю мою жизнь парней, с которыми я вступала в контакт — в смысле, касалась друг друга, от держания за руки до объятий, — можно было пересчитать по пальцам одной руки. И всякий раз, когда дело доходило до следующего этапа, моя проницательная бабушка пресекала всё на корню. Это привело к тому, что к своим двадцати шести годам я подошла с печальным багажом отсутствия даже первого поцелуя.

И вот, едва отметив двадцать шестой день рождения, я под давлением бабушки, возжелавшей понянчить внуков, отправилась на свидание вслепую.

Прошное вспоминать больно, сплошные слезы и досада. Итог был плачевен: по дороге на последнюю встречу, пытаясь успеть проскочить на желтый свет, чтобы не опоздать, я попала в аварию.

Острая боль, провал в небытие, а очнувшись я уже в другом времени, в другом теле и в другой жизни.

Раз уж я столько вспомнила, стоит рассказать об этом теле. Если бы у меня был выбор, я бы ни за что не согласилась на такую судьбу.

Все, с чем я столкнулась, пробудившись, заставляло меня желать новой аварии, лишь бы положить конец этой чудовищной ошибке. Но это были лишь мысли.

Даже элементарная свобода стала для меня несбыточной мечтой.

Страна, в которой я оказалась, называется Да-У. Здесь правят женщины, они занимают все государственные посты, а в семьях практикуется многомужество.

Я точно знала, что в изученной мной истории такой династии не существовало, не говоря уже о том, что здесь мужчины могут рожать детей, что полностью опрокидывало мои научные познания. И все же, чувствуя физическую боль, я не могла больше обманывать себя, считая это абсурдным сном.

Мое нынешнее тело принадлежит члену императорской семьи, младшей сестре императрицы, особе, стоящей выше всех, кроме одной — Ваше Высочество, Ван Лин, Куан Сихань. Я долго смотрела в мутное желтоватое бронзовое зеркало, но так и не смогла принять, что эта хрупкая девушка — могущественный ван, в чьих руках сосредоточена власть.

Абсурдно, тяжело и пугающе.

Крупницы информации доходили до меня из обрывков памяти, оставшихся в этом теле. Стоило мне попытаться вспомнить что-то большее, как на меня обрушивалась невыносимая головная боль. Я не знала, какие травмы перенесла прежняя хозяйка, что ее воспоминания стали такими разрозненными. Тело ее было чисто, без единого шрама, но стоило мне попытаться

сесть, как оно становилось тяжелым, словно налитым свинцом. Какое несчастье с ней приключилось, что я заняла ее место?

Кто я теперь? Блуждающая душа без пристанища или лишь остаток чьей-то воли?

То, что не поддается научному объяснению — это случайность или неизбежность?

После короткого замешательства я оставила попытки разобраться и переключилась на изучение этого удивительного мира.

За моим бытом присматривал слуга по имени Сяо Чань. Когда этот красивый юноша попытался раздеть меня, чтобы обтереть тело, я рефлекторно отвесила ему пощечину. То, как он тут же рухнул на колени, обливаясь слезами и моля о прощении, стало первой сценой, врезавшейся мне в память.

Когда я, сославшись на провалы в памяти, стала расспрашивать его об элементарных вещах, в его глазах отразились такой страх и недоумение, что у меня перехватило дыхание. Казалось, он решил, что я придумала какой-то новый, изощренный способ пытки.

Помимо абсурдности ситуации, я чувствовала необъяснимую досаду. Кем была Куан Сихань? Что она сделала с этим мальчиком? Почему я не помню о нем почти ничего?

Значит ли это, что в сердце Куан Сихань для него не было места?

Мне было любопытно, но в то же время страшно узнать ответ. Наверное, я подсознательно предчувствовала, что правда окажется невыносимой.

Нельзя не отметить, что, вопреки грозному титулу, тело было до смешного слабым — казалось, ветер сдует его. Сердцебиение и одышка при малейшем движении, постоянное питье лекарств — даже Линь Дайюй из книг не была так немощна.

Весь день, что я провела в сознании, кроме Сяо Чаня, в комнату никто не входил. Казалось, прежнюю хозяйку намеренно изолировали от внешнего мира. Я было подумала, что нахожусь под домашним арестом, но позже узнала истинную причину.

Думаю, даже если бы тело было здоровым, в такой скуке недолго и зачахнуть. Ничего нельзя, куда нельзя, единственный человек для общения — запуганный, как мышь перед котом, юноша, и бесконечные горькие отвары. Тут и здоровый заболит.

Только вот она умерла, избавившись от всего, а я осталась в этом разбитом теле, и теперь мне приходится расхлебывать последствия.

На следующее утро, проснувшись в полудреме, я снова увидела те же роскошные полога, вдохнула тот же густой, старинный аромат благовоний. Эта богатая, уютная, но совершенно чужая комната подтверждала: вчерашнее — не сон.

Неужели я действительно не могу вернуться?

Долгое время я просидела неподвижно, глядя, как свет пробивается сквозь окно. Начался новый день.

Собравшись с мыслями, я поняла: нельзя больше предаваться унынию.

Раз уж ничего не изменить, придется плыть по течению. Я всегда верила, что жизнь бесценна, и у меня нет права упускать шанс на ее продолжение. Пусть это будет благодарностью прежней хозяйке тела.

Куан Сихань была так молода, немногим старше моих учеников. Девушка, словно нераспустившийся бутон, с высоким положением, наверняка имевшая светлые мечты и честолюбивые планы. Я не имела права лишать ее этого. Даже если не смогу исполнить всё, я обязана попытаться — ради нее и ради себя.

Значит, первый шаг к выживанию — укрепление здоровья.

После того как я настояла на прогулке и применила всю свою властность, Сяо Чань, вздохнув, открыл дверь и позвал двух крепких девушек, которые, поддерживая меня под руки, помогли выйти наружу.

Эти стражницы, сгорбившись, дрожали от страха, боясь коснуться меня лишний раз. Их неловкость заставила меня усмехнуться: неужели я настолько страшна, что они ведут себя как на иголках?

Отказавшись от помощи, я прошла несколько раз от двери до коридора. Выступил легкий пот, я сильно устала, но неожиданно почувствовала, как тяжелый камень, давивший на грудь, отступил. Похоже, слабость тела была связана и с отсутствием движения.

Одежда прилипла к телу, стало некомфортно, и я решила вернуться, чтобы принять горячую ванну.

Но вернувшись в комнату, я не нашла там Сяо Чаня.

Вместо него меня ждала красивая женщина средних лет. У нее были выразительные персиковые глаза, а плотно сжатые губы выдавали строгость и педантичность. Она была одета в темные приталенные одежды, и ее холодное, молчаливое присутствие заставило меня похолодеть от необъяснимой тревоги.

Это был второй человек, которого я видела, если не считать стражниц. В памяти всплыли обрывки воспоминаний, где она смотрела на меня с нежностью и материнской заботой.

Янь Кэ, управляющая Резиденцией Вана Лина и глава личной охраны. Она видела, как росла Куан Сихань, и была одной из немногих, перед кем та склоняла голову.

Отношения между ними были очень близкими, но у меня были лишь пустые воспоминания, без той теплоты. Я не знала, как вести себя с ней естественно.

Я даже не знала, какую маску надеть... Только сейчас я осознала, насколько наивны были мои мысли.

Проблема не в том, хочу ли я жить, а в том, смогу ли я, выдавая себя за Куан Сихань, выжить в этом чужом мире среди чужих людей, не выдав себя.

Я не хотела, чтобы меня казнили как самозванку или сожгли как одержимую демоном.

Я просто хотела... жить.

2. Оковы

— Ваше Высочество, вы только что оправились от болезни, почему бы вам не отдохнуть? — Ее голос, в отличие от яркой внешности, был очень мягким. Видимо, она искренне любила эту девушку.

Не зная, что у нее на уме, я предпочла промолчать.

Мою реакцию она приняла за безмолвный протест. Тон ее тут же смягчился, словно она уговаривала упрямого ребенка:

— Ваше Высочество, не капризничайте. Если вы быстро поправитесь, я пообещаю отпустить ту стражницу Цзян, пусть она составит вам компанию, хорошо?

Стражница Цзян... Кто это? Составить мне компанию?

Я уцепилась за ключевые слова, но в голове было пусто.

Впрочем, думаю, это напрямую связано со смертью Куан Сихань. Нужно будет разобраться.

— ...Хорошо, — я кивнула, позволяя ей уложить меня обратно в постель. Она взяла теплое полотенце и начала обтирать мне лицо и шею. Хотя ее движения были грубее, чем у Сяо Чаня,

и для нежной кожи Куан Сихань это было почти пыткой, в ее сосредоточенном взгляде я видела искреннюю заботу. Только ради этого я стиснула зубы и молчала.

— Где Сяо Чань? — спросила я тихо, когда она закончила укрывать меня одеялом, зажгла успокаивающие благовония и собралась уходить.

— Он плохо справлялся со своими обязанностями, я распорядилась увести его, — глаза женщины похолодели. Хотя я знала, что это адресовано Сяо Чану, сердце все равно дрогнуло.

С древних времен фраза «увести» означала конец.

Подумав, я не смогла смириться с тем, что жизнь такого юного создания будет погублена.

— Я хочу, чтобы он прислуживал мне, — осторожно сказала я.

Она лишь досадливо вздохнула. Казалось, она хотела погладить меня по волосам, но что-то ее сдержало, и она опустила руку.

— Раз Ваше Высочество настаивает, я верну его. Но помните: если он снова будет нерасторопен и из-за него вам станет хуже, я его не пощажу!

Она махнула рукой, и одна из стоявших рядом женщин в легком доспехе поклонилась и быстро вышла. Только сейчас я заметила, что все сопровождающие ее женщины были в черных доспехах, статные, с твердым взглядом и суровыми лицами. Такой армейский дух я встречала лишь у ветеранов.

Это личная охрана резиденции? Скорее, они похожи на закаленных в боях генералов.

Вскоре привели Сяо Чаня. Точнее, его приволок тот самый страж в доспехах.

Его волосы были растрепаны, глаза покраснели от слез. Увидев меня и женщину, он вздрогнул, но, встретившись с холодным взглядом Янь Кэ, тут же потупился, подавляя страх перед еще более опасным существом.

Я почувствовала укоры совести: возможно, именно мое упрямство навлекло на него беду.

— Смотри за ней внимательно. Если еще раз допустишь оплошность... ты знаешь, что я сделаю, — бросила она ледяное предупреждение, напоследок мягко взглянула на меня и ушла вместе со стражей.

По теньям за дверью было ясно, что она оставила охрану. Наверное, чтобы я не сбежала,

вопреки ее советам.

Я знала, что за дверью меня ждут еще с десятков таких же слуг, как Сяо Чань, но в комнате было так тихо, что можно было услышать, как падает игла.

Я понизила голос и подозвала его:

— Подойди.

Он робко поднял голову, на коленях подполз к кровати и, спрятавшись за пологом, снова опустил глаза. Я не видела его лица, но чувствовала, как он напряжен.

Я вздохнула, чувствуя вину:

— С тобой... все в порядке?

— Рабыня в порядке, благодарю Ваше Высочество за заботу, — голос юноши дрожал. Мое сердце обливало кровью, но я не знала, как помочь ему, когда сама едва держусь на плаву.

— Эта женщина... кто она? — я смотрела на вырезанных на балдахине драконов и спросила вполголоса.

— Это госпожа Янь Кэ, управляющая резиденцией и глава стражи, — он помедлил и добавил, словно невзначай: — Раньше вы называли ее тетужкой Кэ.

Похоже, в общих вопросах память Куан Сихань еще может мне помочь.

Но... тетужка Кэ? Если бы я действовала по своему усмотрению, я бы назвала ее «управляющая Янь». Хорошо, что я не поторопилась.

Это значит, что во всех тонкостях и сложных отношениях мне придется разбираться самой.

В таком случае, мне стоит избегать частых встреч с ней, пока я не освоюсь в роли Куан Сихань... чтобы не выдать себя и не лишиться головы.

— Сяо Чань, я... кхм, каким человеком была я раньше? — я решилась на риск. В конце концов, он и так уже должен был заподозрить неладное.

Юноша за дверью замер. Я чувствовала, как в комнате повисла мертвая тишина. Похоже, мой вопрос вызвал в нем бурю, и он не знал, как отвечать.

— Говори правду, я не накажу, — мягко добавила я.

— Сяо Чань не смеет судить, но... ученые мужи из Павильона Клена часто хвалили вашу необузданность и свободолюбие, — наконец выдал он.

Я кивнула, не соглашаясь: как можно быть «свободолюбивой и необузданной» с таким слабым телом?

Вспомнив слова Янь Кэ, я спросила:

— Из-за чего я слегла? И кто такая эта стражница Цзян?

— Это... Сяо Чань не знает, — его реакция была явно неискренней.

— Не знаешь или не хочешь говорить? — я охладила тон. — Ты ведь знаешь, что бывает за ложь.

Я не помнила, как Куан Сихань наказывала слуг, но, судя по тому, как задрожали плечи Сяо Чаня, она не была доброй хозяйкой.

Всего пара слов — и он уже бился головой об пол:

— Раб заслуживает смерти! Прошу, Ваше Высочество, помилуйте! Раб заслуживает смерти!

— Хватит, я не собираюсь тебя убивать! — я откинула полог и попыталась помочь ему подняться, но тело было настолько слабым, что перед глазами поплыло, и я едва не упала в обморок. — Встань!

С трудом выговорив это, я рухнула обратно на мягкие подушки и тяжело задышала, прижимая руку к груди.

— Ваше Высочество? — он заметил, что мне плохо, перестал бить поклоны и вцепился в край кровати, не смея войти, но пытаясь разглядеть меня.

Через некоторое время удушье прошло, я выдохнула и махнула рукой, показывая, что все в порядке.

Он был понятливым и, боясь снова меня рассердить, встал на колени и начал рассказывать:

— Старшие слуги из переднего двора говорили, что стражница Цзян была из личной охраны императрицы. Несколько дней назад вы выпросили ее себе в личные телохранители. Вы были к

ней очень благосклонны, баловали ее и ни на шаг не отпускали от себя. В тот день вы с ней были в Зале Вечной Радости... забавлялись, и вдруг вы упали в обморок. Госпожа Янь позвала лекаря, и только вчера вы пришли в себя.

<http://bllate.org/book/21773/2251635>